

ПОРТРЕТ

ЕГО появление было сенсацией. Вокруг его имени ползли слухи, случались скандалы, он в них не был замешан, но оказывался причастным. Еще когда Валерий Леонтьев был солистом Горьковской филармонии и приезжал в Москву на гастроли, останавливаясь в гостинице «Украина», разгорелась история, со временем ставшая привычной для его будней. Ему не давали спать, беспрерывно звонил телефон, врывались к нему в номер, жаждали с ним поговорить, к нему прикоснуться. Какая-то девица в отчаянии от того, что не удалось прошмыгнуть в его апартаменты, приняла непомерно большую дозу йода. Ее тело, безжизненно расплавленное на полу, собрало толпу зевак, приехали милиция, скорая помощь, суетились служители гостиницы. Ее спасли, его вызывали на допрос, а он не знал ни ее имени, ни откуда она возникла. Этот давний скандальный случай в 1981 году не ушел из памяти, прошло десять лет, и мало что изменилось. Разве что фарсовая стихия поклонения с годами смешалась с появлением огромного числа почитателей.

Когда задумывался очерк о Леонтьеве, я не был с ним знаком. Знал, что он мастер эмоционально-насыщенного пения, что своим голосом он извлекает из песен выдающиеся, насмешливые и лирические ноты, что стиль его принадлежит только ему и никому больше. Поразило его телевизионное интервью — на экране был умный, тонкий и удивительно тактичный человек. Ему задавали вопросы: почему он не женат? Кто был его первой любовью? Что он помнит из детства? а он, спокойно глядя в лицо собеседнику, скупно и терпеливо отвечал, что «в детстве ничего примечательного не было», что «когда возникнет потребность жениться, он обязательно женится», что «друзей у него мало, а знакомых множество, и это естественно», что «он не одинок» — и пытался переключить интервью на темы искусства. Все было нетривиально.

Когда мы познакомились, мне захотелось его послушать не только по телевизору, в Москве в это время концертов не было, и я вылетел в Калининград. Рядовой концерт Валерия Леонтьева. Зал, похожий на зимний стадион. В кассе ни одного билета, толпа у входа, два выступления в день. Будни советской «поп-звезды». За кулисами — собранность и усталость. Кроме гримера и ассистента, никто не имеет права войти в его уборную. Он разговаривает с собеседником, но мысли его не здесь. Только что он стоял на сцене, демонстрируя свои эффектные, театральные «номера», далеко выходящие за рамки только эффектов. Концерт шел с одним антрактом, в первом отделении тридцать минут выступал рок-ансамбль, во втором — девяносто минут сольного пения.

Ощущение, что присутствуешь на карнавале. В каждой песне — неожиданные обертоны. Леонтьев, натянутый, как струна, выходит на сцену. Острый, колочий взгляд, четкий, графически точный жест, никакого заигрывания с залом, только желание его «разбудить», «растрезвожить», «завести». Ему это удается.

В его искусстве с самого начала был вызов, этот вызов трудно перевести на язык слов, можно попытаться: вызов в том, что он как бы призывает бежать от нашей цивилизации к «воображению», к мигу «достигнуть блаженства». С Леонтьевым пришло на нашу эстраду понятие «нового романтизма» в лоне той «молодежной культуры», что пытается оформиться в мировоззрение и обновить мир. Для Леонтьева, как ни для кого более,

важна роль интуиции, воображения, свободного самораскрытия. Жизнь в его песнях — это поиск, это приключение. Оттого в нем невиданная раскованность, он поет не только о том, что есть, а о том, что возможно, порой сам не отдавая себе отчета, как сильно воздействует на подсознание миллионов в стране, не привыкшей к подобному самораскрытию. Молодое поколение, побуждаемое «инстинктом самосохранения», ринулось ему навстречу, его дар и стиль обращены к истокам. Возникли «новая чувственность», тяга к либерализации нравов, желание восстановить эротическое ощущение реальности.

Леонтьев родился в селе Усть-Уса Коми АССР в 1949 году, учился в школе в городке Юрьевце Ивановской области, работал почтальоном, чертежником, разнорабочим, тесемщиком на текстильной фабрике, модельером, портным, электриком, служил на кирпичном заводе. Жил с родителями в Сыктывкаре, Анапе, у сестры в Воркуте, где под ее влиянием поступил в горный институт на отделение технологии подземных разработок. Там он проучился три года, но его всегда тянуло на сцену, где бы он ни был, он занимался в самодеятельности. С юно-

ЛИКУЯ И СКОРБЯ

Культура - 1992 - 18 апр. - С. 9.

На его концерты нельзя попасть, он собирает стадионы, культ Валерия Леонтьева оказался в эпицентре современной жизни.

шеских лет в нем было что-то возвышенное, житейский расчет ему не был свойствен никогда. Валерий Яковлевич не любит оглядываться назад. Родители не имели никакого отношения к искусству, отец умер в 1979 году, не дожив одного дня до того момента, как карьера сына взметнулась вверх. Как раз в 1979 году Леонтьев только выходил на большую сцену. В Ялте в августе месяце состоялся первый Всесоюзный конкурс на лучшее исполнение песен стран социалистического содружества — он получил первую премию. Певец пел песню композитора Тухманова «Памяти гитариста» на стихи Роберта Рождественского. В 1980 году он участвует в конкурсе «Золотой Орфей» в Болгарии, опять поет песню Тухманова, на этот раз «Танцевальный час на солнце», и получает первую премию. У него был свой ансамбль «Эхо», с ним связаны долгие годы его мотаний по сельским клубам, маленьким площадкам, когда молодые люди осваивали неудобные сцены без света, подсветки, жили в общежитиях в комнатах, где стояли двадцать кроватей, зарабатывали на жизнь.

Это сегодня концерты Леонтьева — праздник, это сегодня пешиут, что театр Валерия Леонтьева не похож на другие. Это сегодня для него создают даже оперы. Композитор Лора Квинт написала «Джордано», и он исполнил три главные роли 49 раз, но так было далеко не всегда. За его взвинченной манерой, нещадной расстройкой нервной энергии, за его иступленным пением стоит не только талант и темперамент, но и горечь познания. Свой нынешний вольный удел он выстрадал сполна. Он знает цену, которую заплатил за то, чтобы сегодня быть независимым, ездить по миру, петь в Индии, Финляндии, на Кубе, в США, в Монте-Карло, где завоевал «Золотой ключ» на Всемирном фестивале «Музыкальные награды» 1991 года. Его

природный дар в сущности был предоставлен самому себе. Пятнадцать месяцев учебы во Всероссийской творческой мастерской эстрадного искусства под руководством Л. Маслюкова дали ему возможность познать Москву начала 70-х годов. Когда-то была сделана попытка поступить в ГИТИС, она не удалась. Надо было очень много прожить, чтобы петь так, как поет Леонтьев о любви и чистоте чувств, создавая свой театр песни.

Мир поп-культуры полон самоуверенности, самонадеянности, мании величия. Коммерциализация искусства привела в него людей, прошедших сквозь огонь и воду. Слабенькие певцы, неумелые певицы и музыканты, телохранители заполнили кулисы. Воздух оказался загажен грубыми страстями, примитивными чувствами, срывающимися к трагической развязке, как случилось с Игорем Тальковым. Его песни «Память», «Спасательный круг», «Уеду», «Примерный мальчик» замечательно поет Леонтьев. Смерть Талькова ошеломила певца, но случившееся за кулисами не удивило его. Трезвый ум, природная сдержанность, самовоспитание научили его отстраняться от всего, что мешает, что противно его натуре.

В эпоху вседозволенности и разнузданности, ослабления моральных понятий Леонтьев демонстративно отличен от других: его мир — это мир мечты, яркий, нарочито театральный. История его последних эстрадных лет — это цикл сменяющихся масок. Он эпатирует зал, умышленно придумывает мизансцены, которые могли бы scandalозировать выступления, в финале его последних концертов в Москве в ноябре 1991 года он выходил на сцену обнаженный, легкая повязка-плавки прикрывали тело, и пел, а скандала не было. Потому, что его искусство азотично, потому что в самых рискованных мизансценах его концертов есть чистота, ее

чувствуют даже самые неподготовленные к эстетическому восприятию зрители. Еще недавно он выходил на сцену в красивом, им самим сшитом наряде, простом, белом с черным, элегантно, чуть вызывающим и, стоя на месте, пел о том, что только «Три минуты длится песня, только три минуты будем вместе». Сегодня ритм выступлений другой: с распушенными длинными, волнистыми волосами, с сергой в ухе, в темной нитяной рубашке, поверх которой надет черный пиджак-накидка, сбрасываемый по ходу представления, он в сопровождении своего танцевального трио в иступленном накале, подпрыгивая и танцуя, поет песни Талькова, Газманова и Косинского.

На его концертах звук динамиком иногда достигает предельной мощности, иногда затихает, сходит на нет. Сцена погружается в темноту, то оказывается залитой странным светом от двенадцати прожекторов, улетающим то к колосникам, то в зрительный зал. Virtuозно разработанная световая партитура составляет одна из компонентов его представлений, и все же как театр зависит от драматургии, от того, что он играет, так и певец зависит от репертуара, от его качества. И тут не помогают ни изощренная пластика, владеющая залом, ни хореографический рисунок движений певца, ни пластический силуэт подтанцовывающего ему трио, которое создает атмосферу, завораживающую зал. Солист балета Андрей Иванов на глазах творит чувственный мир, обступающий зрителей на концертах Леонтьева, танцовщик умеет и оттенить талант главного героя, и продемонстрировать собственный природный дар, превращающий каждый «номер» певца в изысканную картину какого-то наваждения. И все же зависимость от качества песни велика. «Проходные», невыразительные мелодии, ничего не значащие слова остаются тако-

выми, как бы Леонтьев ни старался «нагрузить» их собой, красочностью представления и энергией точно выстроенного концерта. Слово певец «добивается эффекта цветного кино на немом черно-белом экране». И результат — ниже возможностей певца. Эти возможности очевидны, когда Леонтьев поет «Бал».

«Жизнь, несомненно, похожа на танец, и словно меняется воздух концерта. «Бал» — самый длинный из всех, что бывает, не повторится, а жаль...» — поет Леонтьев, и яростная музыка его души захлестывает зрителя. «Бал наш кончается рано, срок нам отмеренный мал», и вслед вопль — «Мы танцуем в обнимку со смертью» — сколько пронзительности и горького смысла, не в словах, а в том, как Валерий Леонтьев поет, «ликуя и скорбя». Сразу знаешь, что певец захватывающе музыкален, артистичен, неистощим. Это только на первом плане — яркость, громкость, постоянное желание «разбудить» тех, кто навсегда застегнут на все пуговицы, кто от природы глух к искусству, а в глубине — тонкий, ранимый художник, прошедший трудный путь и своим стилем сценического существования по праву завоевавший титул «кумира» толпы.

Его осмысленное мастерство наталкивается и сегодня на сотни преград: трудно найти песню, которую можно было бы насытить собой, как это было в годы его содружества с Паулсом, трудно петь из вечера в вечер, летать по стране и по миру, заботиться о своем коллективе, о тех, кто ему верен, как верен он своему «Эхо». Трудно все время быть на плаву, не уступать, не отдавать завоеванное, «слышать» новые голоса в неуступчивом сегодняшнем времени. Только его интеллектуализм и природная терпимость, опыт работы на эстраде с 1969 года, когда он начинал зарабатывать себе на жизнь пением, привычка сталкиваться с непониманием, неприятием, выработали в нем ту внутреннюю свободу, которую он хранит как самую дорогую ценность.

Леонтьев знает, что его театральные концерты воодушевляют зал, что люди после них становятся добрее и улыбчивее.

Именно он, а никто другой, начал на эстрадной площадке «неоромантический бунт» против рациональности и конформизма, долгие годы подавлявших бунтарский и творческий импульсы. Шумная крикливость песен, исполняемых им, соседствует с теми, которые он поет «наедине со всеми», выделяя «святую музыку любви». Только ограниченные люди видят в этой манере «гимн распуштству» и проповедь «сексуальной свободы». Никакой агрессивности нет в искусстве выдающегося певца. Очищенное от «социальных страстей», оно вынуждает задуматься: как важно принести на подможку мир поэзии и красоты, пусть чуть «сниженный», но доступный миллионам, как важно насытить свой дар внутренним электричеством, затронуть ритмы наступившей новой эпохи.

Мир подходит к рубежу XXI века, в силу разрушительной и катастрофической ситуации в стране материальное благополучие рассматривается ныне почти как идеальная ценность, его домогаются. Искусство Леонтьева выпадает из этой ценностной системы, оно очищено и от буйного разрушительства, и от самоубийственных тенденций, его ведет импульс творчества, заряженность им. Время должно сотворить поэтов и композиторов, способных задать тон искусству Валерия Леонтьева, а пока — он выражает дух Времени и возвращает искусству эстрады увлекательность зрелища.

Виталий ВУЛЬФ.